
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(047.47)

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.001

Некоторые предприятия астраханского губернатора В. Н. Татищева по улучшению социально-экономического положения калмыцкой степи

М. М. Батмаев¹, П. М. Кольцов², С. М. Мургаев³, С. А. Умгаев⁴

¹доктор исторических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.
Россия, г. Элиста. E-mail: history@kalmsu.ru

²доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры всеобщей истории,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.
Россия, г. Элиста. E-mail: petrkoltssov52@mail.ru

³кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.
Россия, г. Элиста. E-mail: murgaev_sm@mail.ru

⁴старший преподаватель кафедры всеобщей истории,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.
Россия, г. Элиста. ORCID: 0000-0003-0778-1607. E-mail: sam_umg@yahoo.com

Аннотация. Представленная статья посвящена отдельным социально-экономическим аспектам деятельности В. Н. Татищева на посту астраханского губернатора (с 1741 по 1745 гг.) в отношении калмыцких степей, которые в то время находились в его ведении. При этом у калмыков существовала своя феодально-крепостническая политическая структура во главе с наместником (сами калмыки называли его ханом), которая постепенно подминалась под себя центральным имперским аппаратом.

В силу комплекса внутренних и внешних политических, экономических и административных причин калмыки начали испытывать ряд существенных социально-экономических проблем, которые в целом приводили к обеднению населения. В целом данная тенденция носила общероссийский характер, однако по Калмыцкому ханству она ударила особенно сильно, по сути, став катализатором процессов ликвидации автономии.

В. Н. Татищев как администратор-практик увидел большую проблему в массовом обеднении калмыцкого народа, в результате которого все больше и больше простых калмыков оставались без скота, в частности, без коней. А без коня, решил Татищев, калмык для Отечества бесполезен, так как невозможно использовать его в военных предприятиях.

В связи с этим деятельный астраханский губернатор попытался претворить в жизнь ряд идей по улучшению социально-экономической ситуации, но встретил сопротивление калмыцкого наместника и феодальных владетелей, преодолеть которое он не смог.

Статья основана на архивных материалах и историографии, использован историко-генетический метод. В частности, сделана попытка комплексно рассмотреть личность Татищева, понять его цельный образ и как ученого, и как администратора.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, калмыцкая степь, Дондук-Даши, Российская империя, социально-экономическая политика.

Одной из самых примечательных и значимых фигур в истории России являлся Василий Никитич Татищев, знаменитый автор «Истории Российской». Многие помнят Татищева именно как выдающегося ученого и историка, оставившего потомкам первый опыт описания истории России. Действительно, Василий Никитич очень любил историю, на протяжении долгих лет жизни собирал, изучал исторические сведения и сводил их воедино. Однако не только как ученый отметился Татищев в истории России – менее знаменитой, но не менее примечательной является та часть его жизни, которая была посвящена политике и имперскому администрированию.

Статья основана на материалах РГАДА (Российского государственного архива древних актов) и НАРК (Национального архива Республики Калмыкия), также на историографических данных. Из материалов РГАДА использовались документы Кабинета министров и Коллегии иностранных дел, в которых содержались позиция и решения центральной власти по калмыцкому вопросу в 1741 г. Используемые фонды НАРК представляют из себя в основном официальную деловую переписку между калмыцким ханом и астраханским губернатором. В этих письмах раскрываются как социально-экономические проблемы калмыцкой степи, так и, собственно, предприятия Татищева по их исправлению.

В статье поставлена цель рассмотреть социально-экономические инициативы В. Н. Татищева в отношении калмыцких дел в период нахождения его на посту астраханского губернатора с 1741 по 1745 гг. в контексте целостной оценки деятельности как ученого и как администратора.

Биография Татищева рассматривалась множеством исследований, но в основном она касалась его деятельности именно как ученого, как историка. Тем не менее самыми полными и интересными образцами биографии можно считать работу Дейча «Татищев: историк и гос. деятель. 1686–1750» [6], в которой тот рассмотрел и административную службу героя, а также изобилующую подробностями биографию от Кузьмина, опубликованную в серии ЖЗЛ [12]. Исторический образ В. Н. Татищева как человека, чья судьба отразила противоречия эпохи, раскрыт в работе Гордина «Хроника одной судьбы: художественно-документальная повесть о В. Н. Татищеве» [5].

Если говорить о научной деятельности Татищева, то стоит отметить, что она породила оживленные дискуссии еще в XVIII в. [см. 3; 4; 25; 26], а также и некоторое количество скептиков: его критиковали Шлецер, Карамзин и другие [10, с. 100, 101].

Не только как историк отметился Татищев на карте российской науки. До сих его вспоминают и как замечательного географа и картографа – работая в отдаленных регионах, Василий Никитич уделял этому особое внимание [см., напр., 8; 13].

В то же время именно пыливый ум и стремление докопаться до истины составили основу характера Татищева, которую он перенес на административную деятельность.

В современной российской историографии, особенно региональной (а Татищев занимался местным администрированием), интерес к его фигуре не утихает, поддерживаемый не только научным, но и общественным запросом [см. 1; 7; 9; 19; 20].

Актуальными и современными работами по администрированию калмыцких дел В. Н. Татищевым являются статьи Колодкина [11], Носковой [15], Сосенкова [21], Сусеевой [22], Торопицына [23; 24].

В частности, не забывают Татищева и в Калмыкии – дело в том, что именно в этот период происходил процесс урезания автономии Калмыцкого ханства и подчинение оно имперской администрации. Отношения астраханских губернаторов, и Татищева в частности, с калмыцкими ханами и владельцами были освещены как в работах Попова [17] и Пальмова [16], так и современными авторами [2].

Всю свою жизнь Татищев служил Отечеству: участвовал в военных действиях и главных сражениях Северной войны, затем служил чиновником в Берг-коллегии, руководил Монетным двором, принимал участие в дипломатической деятельности, занимался развитием горного и металлургического дела на Урале и в Сибири, был губернатором имперских окраин – Башкирского края и Оренбургской экспедиции, а в бытность свою астраханским губернатором (с 1741 по 1745 гг.) занимался и калмыцкими делами.

В части политических убеждений Татищев всегда оставался верным петровцем, эдаким имперским чиновником, который видел своей целью укрепление Российской империи и проведение имперской политики в отношении малых народов. Деятельный характер и административный талант позволили Василию Никитичу оставаться на серьезных административных должностях и после смерти Петра I. Правда, попал он в некоторую опалу при Анне Иоанновне, чей режим он считал губительным для России – в этот период Татищев даже косвенно поучаствовал в заговоре против императрицы, но, по счастью, та скончалась до того, как Василий Никитич был наказан.

Переходя непосредственно к нашей теме, следует сказать, что В. Н. Татищев, будучи астраханским губернатором, возглавлял также деятельность Калмыцкой комиссии, особого административно-управленческого органа, который контролировал ситуацию в Калмыцком ханстве.

Собственно, обстоятельства, которые привели Татищева на позицию астраханского губернатора, следующие: в марте 1741 г. в калмыцкой степи начались усобицы из-за политической борьбы между вероятными наследниками скончавшегося от болезни хана Дондука-Омбо. Проблему усугублял этнический фактор – жена хана, Джан, происходила не из калмыков, а была, по-видимому, татаркой и вдобавок мусульманкой (калмыки традиционно исповедуют буддизм). Соответственно, ее малолетний сын не был популярен ни среди калмыцких владетелей и зайсангов, ни среди буддистского духовенства – гелюнгов. Сама Джан со своими сторонниками вела отчаянную борьбу – от калмыцких феодалов в русскую администрацию стали поступать жалобы, что она желает «калмыцких владельцев перевести» [18, ф. 16, д. 619, л. 100].

Имперская администрация увидела в этой ситуации шанс еще сильнее усилить контроль над калмыцкой степью. К тому же всякая смута в южных степях могла привести к непредсказуемым последствиям, в том числе и политическим. Надо сказать, что пока принималось это решение, Джан сумела известить своего главного противника – Галдана Данжина, сына популярного среди калмыков первого хана Аюки (правил с 1690 по 1724 гг.), при власти которого Калмыцкое ханство достигло пика своего могущества, покорив окрестные тюркско-татарские орды [18, ф. 16, д. 619, л. 100].

Соответственно, было принято решение непопулярного сына Джан не поддерживать, а выдвинуть свою кандидатуру. Ею стал Дондук-Даши, внук Аюки-хана. Удобным предлогом стало обращение к имперским властям матери убитого Галдан Данжина, которая попросила российские власти признать наследником именно Дондука-Даши [18, ф. 16, д. 619, л. 100].

При этом находившийся и долго проживавший вдали от степи Дондук-Даши не имел опыта управления калмыцкой степью, а к тому же там продолжалась смута. Поэтому с ним был направлен человек опытный и разбирающийся в делах малых народов – В. Н. Татищев. Вероятно, уже тогда планировалось, что он примет дела Астраханской губернии.

В конце концов, при поддержке имперского центра Дондук-Даши утвердился в качестве калмыцкого наместника – так его называли в России. Для калмыков он оставался ханом. Калмыцкое ханство будет ликвидировано только при его преемнике Убуши, который возглавил откочевку части калмыков из России. Сам Дондук-Даши отдал сына в аманаты и дал реверс (клятву-присягу) российской императрице. При этом, как наместнику, ему выделили неплохое жалованье [18, ф. 36, д. 135, л. 5 об. – 7 об.].

Советы В. Н. Татищева, по-видимому, сыграли свою роль в утверждении власти нового хана: вопрос с Джан был решен без лишнего кровопролития (ей выделили улус в управление), а калмыцкие владельцы приняли нового правителя.

Вступив в должность астраханского губернатора, В. Н. Татищев не оставил свои занятия наукой. В то же время пылкий ум и деятельный характер заставляли его искать способы усовершенствовать государственное управление.

В частности, в отношении калмыцкой степи им были предприняты попытки улучшить социально-экономическое положение широких слоев калмыцкого населения. Разумеется, администратор-практик занимался этими вопросами не из чувства сострадания – он видел в обеднении калмыков помеху имперским интересам. Дело в том, что калмыки к тому моменту уже более столетия служили своеобразным буфером, прикрывающим часть южной границы Российской империи от набегов других, в основном тюркоязычных, кочевников, а также выступали в роли противовеса окрестным малым народам, зачастую недовольным усилением имперского административного контроля. Для выполнения этих задач калмыки должны были представлять серьезную военную силу. Однако кочевники-калмыки умели сражаться только конными, а из-за обеднения многие семьи продавали скот, который не могли содержать, в том числе и лошадей.

Действительно, масштаб этого обеднения был значительным: если простые калмыки продавали скот, то недополучающие доходы владельцы продавали другим народам как своих крепостных, в основном, детей, так и пленных, захваченных в ходе междоусобных столкновений. В частности, особенно много жалоб на продажу калмыцких детей поступало из улусов Джан. В связи с этим Татищев опасался, что «чрез что весь калмыцкой народ вскоре исчезнуть может». Он выдвинул предложение запретить северокавказским народам, кубанцам и татарам покупать калмыков-крепостных в России. А у русских помещиков купленных калмыков изымать с компенсацией и записывать в рекруты, «в чем немалая польза быть может». Вообще, впечатленный увиденным в калмыцких степях, Татищев высоко оценил храбрость и дисциплину, проявляемую калмыками в сражениях [14, ф. 36, д. 133, л. 25, 26].

Новый наместник Дондук-Даши выразил поддержку Татищеву в этом начинании. Действия своего предшественника он осудил как не соответствующие этнической и буддистской морали, и пообещал, что «... сам намерен столько о исправлении убогих прилежать, сколько его возможности будет». В декабре 1741 г. в личном разговоре с Татищевым он подтвердил свое намерение и сообщил, что ввел запрет на продажу калмычат во всех улусах. Однако Дондук-Даши заметил, что сейчас «у татар и бухарцев в покупке оных немалое число», и попросил губернатора, чтобы им покупать калмыцких крепостных запретили, а тех, что куплены – вернули [14, ф. 36, д. 132, л. 203, 217].

В то же время общий административный подход Татищева заключался в установлении контроля над малыми народами путем строительства ряда укрепленных линий и размещения там гарнизонов и казаков. В частности, большой проблемой в то время были казахские набеги. Татищев предлагал построить ряд крепостей по Волге, а также ниже Яицкого городка. Проблема заключалась в том, что именно через эти территории калмыки получали доступ к водным и рыбным ресурсам Волги. Однако астраханский губернатор полагал, что прорехи между крепостями достаточно велики, чтобы не создавать калмыкам препятствия, а кроме того «для ловли рыбы вся Ахтуба останется для них свободной, которая в оброке не бывала» [14, ф. 36, д. 132, л. 27].

Тут надо отметить, что в связи с негативными социально-экономическими процессами все больше развивалось среди калмыков отходничество на Волгу, в основном, для рыбной ловли. Для «обескотинившихся» калмыков это был практически единственный источник серьезного заработка и даже возможность от доходов вновь приобрести скот. Помимо этого, по Волге располагались русские города, с которыми калмыки могли вести торговлю, получая столь необходимые им товары, в частности, хлеб и муку – калмыки не занимались земледелием.

Таким образом, водные и торговые ресурсы Волги представляли немалую ценность для калмыков, давая им шанс поправить свое материальное положение. Однако вскоре выяснилось, что и тут существует несколько проблем. Во-первых, различные торговые запреты для калмыков, а во-вторых, различные ограничения на рыбную ловлю, в-третьих, собственные калмыцкие крепостнические порядки.

С первой указанной проблемой Татищев столкнулся во время разговора с черныярским комендантом подполковником Пилюгиным. Тот сообщил губернатору, что еще недавно торговать с калмыками запрещено было, а сейчас и муки им не продают – только готовый печеный хлеб и просыпаную муку кулями. Также, видимо, для калмыков завышались цены.

Удивленный таким положением дел Татищев выразил недоумение: «... хан Дондук Омбо получаемую от всероссийского двора в жалованье муку отдавал калмыцкому народу за великую цену из роста, отчего калмыцкой народ пришел в наисвящее разорение и скудость; тогда тем более непонятно, почему калмыкам не разрешали покупать муку у торговцев повольной ценою» [14, ф. 36, д. 133, л. 63].

Вторая проблема заключалась в том, что все большее тяготение калмыков к Волге приводило к сопротивлению со стороны местных властей и населения. Межэтнические в своем проявлении конфликты имели конкретную экономическую подоплеку – борьбу за волжские водные ресурсы.

Так, Татищев заметил в письме Остерману, что: «... калмыки имеют жалованные грамоты и договоры утвержденные, что им по Волге везде рыбу ловить кроме что в близости учугов, но потом и оным воспрещать, грабить и бить их начали» [14, ф. 36, д. 133, л. 63].

Уже 15 января 1742 г., получив, видимо, разрешение от центральной власти, Татищев вместе с царцынским комендантом полковником В. Беклемишевым составили бумагу, которая разрешала калмыкам ловить рыбу «по Волге, озерам и протокам без запрещенія». Однако местное купеческое лобби в это определение сумело внести некоторые ограничения: в частности, калмыкам запрещалось ловить рыбу в Волге «от песчаного до учугов» в «беляшное время» (когда рыба, особенно осетровые, идет к морю, в октябре и ноябре), а ловить «в эти два месяца в малых протоках и озерах». Дондук-Даши на то согласился [14, ф. 36, д. 180, л. 36].

Третья проблема напрямую была связана с несправедливым крепостническим устройством, которое, как оказалось, влияло на обеднение и обескотинивание калмыков. По сути, она была неразрешима, так как происходила из несовершенства самого социально-политического устройства Калмыцкого ханства. В то же время губернатор эту проблему осознавал не как непосредственную вину крепостничества, а всего лишь как злоупотребление своим положением со стороны владетелей.

По поводу этой проблемы Татищев направил Дондук-Даши письмо (по всей видимости, ответное, так как калмыцкий наместник постоянно направлял губернатору письма, в которых жаловался на различные проблемы калмыцкого народа и притеснения, которые ему чинят), в котором высказал свое понимание проблемы: «... вы изволите объявлять, что калмыки изъужожили и без свободного в рыбной ловле допущения исправить и скот завести невозможно, а без скота они во услуги ея императорского величества негодны, что сущая правда». Однако далее по тексту Татищев отмечает, что здешним купцам, что торгуют на Волге, хорошо известно бедственное состояние калмыков, и что они утверждают, что в нем неповинны. Они «представляют, что калмык ловлею рыбы нынешним порядком не поправить и скота не завести, потому что при ватагах калмыки хотя в год столько вырабатывают, чтоб всякий лошадь купить мог, только не купят затем, что владельцы, зайсанги и посланцы их грабят немилостиво, а деньги, пришедшие манжики (то есть вышеупомянутые калмыки. – авт.) выманивают» [14, ф. 36, д. 180, л. 36].

Таким образом, мы видим, что у наместника и губернатора сформировались разные взгляды на проблемы. Если наместник, по-видимому, обвиняет в существующем положении дел различные ограничения, наложенные на калмыков, а также торговую политику волжских купцов, то губернатор склонен видеть в этом происки калмыцких феодалов – владельцев и зайсангов, которые у своих крепостных все деньги отбирают и ничего не оставляют. Отсюда следует невозможность для простого калмыка выбраться из нищеты и завести себе лошадь.

В то же время и сам В. Н. Татищев признавал, что «на ватагах может найти работу 1,5–2 тысячи» человек, и каждый может заработать столько, что «за два года лошадь и прочую необходимую скотину» приобрести сможет. Видя именно в этом решение многих социально-экономических проблем калмыцкого народа, астраханский губернатор настоятельно посоветовал Дондук-Даши следующее: «отныне на все ватаги определить добрых надзирателей» и велеть от «промышленников» (то есть от прорабов или хозяев ватаг) деньги принимая, каждому работнику калмыку «только на крайнюю нужду выдавать, а что помимо этого соберется проследить, чтоб была на эти деньги куплена скотина». Уверенный в найденном способе решения наболевших социально-экономических неурядиц, Татищев подчеркнул для наместника: «... и так можете в краткое время со скотом сделать, а о грабеже и обманах запретить» [14, ф. 36, д. 180, л. 36].

Надо сказать, что со временем стало ясно, что подобные советы в условиях несовершенства степной административной структуры были просто-напросто нереализуемы. Надо сказать, что от бедности многие калмыки принимались и за преступные деяния, в том числе за набеги и грабежи, правда, с укреплением имперской власти в Южном Поволжье последние происходили все реже и реже.

Кроме того, необходимо отметить, что и некоторые требования наместника в отношении урегулирования дел между калмыками и русскими были выполнены. Так, уже в 1742 г. к астраханскому губернатору прибыл зайсанг Сойбин Иши, который представил еще трех зайсангов для представительства в судебных спорах и разбирательствах по различным вопросам, связанным с калмыками, а также для контроля над калмыцкими ватагами. Таким образом, дело оживилось [14, ф. 36, д. 182, л. 75].

Не прошли бесследно и те письма, которые как сам Татищев, так и Дондук-Даши писали в Петербург (тут надо заметить, что высшая прослойка калмыцкого общества, сам наместник, его владельцы и духовенство высоко ценили возможность написать кляузу или ходатайство в вышестоящую инстанцию, этой возможностью регулярно пользовались). Однако центральное правительство оценивало положение дел в Калмыкии скорее в негативном ключе, рассматривая большое количество письменных жалоб как следствие различных грабежей, смут и неурядиц, допускать которые нельзя. В ответных письмах из Петербурга четко прослеживался курс на укрепление имперского контроля над калмыцкой степью. Так, еще в апреле 1741 г. Татищеву пришел следующий указ:

«Что принадлежит до калмыцких внутренних малых грабительств, оные вам так отвращать, чтоб из того в калмыцком народе нового смятения быть не могло, ибо ранее такие их малые ссоры разбирали их ханы по своим правилам. А если ныне вдруг при новом наместнике ту их вольность отнять, то и многие из калмыцкого народа видя, что от Дондук Даши противу вольности их взят в аманаты сын, поопасуются того, чтоб со временем чрез него не похотели мы и всю их вольность отнять, и тако в том вам весьма искусным и склонным образом поступать и добрым способом отвращать, а на иное и сквозь перстов смотреть надлежит» [14, ф. 36, д. 150, л. 63].

Собственно, как показывает дальнейшая переписка Дондука-Даши и Татищева, проблема рыболовства решена не была – в частности, еще и потому, что взгляды наместника и губернатора по этому вопросу серьезно отличались. Причина этих различий понятна: Дондук-Даши рассуждал с позиции калмыцкого хана, видел вопрос с одной стороны, Татищеву же приходилось ориентироваться больше на интересы русского и казачьего населения, расселенного по Волге. Даже прикрытая казаками и калмыками, в те времена эта территория была в достаточной степени уязвима, что, кстати, через несколько десятилетий покажет Пугачевское восстание.

В очередном письме Дондук-Даши напомнил Татищеву о привилегии калмыков ловить рыбу неводами в урочище Караболе, а саму эту рыбу только на пропитание использовать, а не продавать с целью извлечения прибыли, «в города для продажи не возить». Понятное дело, что с помощью неводов рыбу можно было добывать в существенных количествах, и имелся запрет на такую продажу. Видимо, со временем доступ к Караболе для калмыков был закрыт.

Однако в ответ Татищев написал, что «калмыки ныне весьма оскудали и если бесскотным продавать русским и другим не калмыкам запретить, то они денег на хлеб и одежду достать не смогут, а будут с великим вредом продавать за границу детей или заниматься разбоем».

В то же время, видя реальное положение дел, Татищеву пришлось предложить альтернативу. Он предложил разрешить калмыкам наниматься и работать в городах или в учугах. Такие отходнические работы, по мнению Татищева, способны поправить материальное положение части калмыков. Однако в ответ на это предложение Дондук-Даши заметил, что бесскотных калмыков вокруг Астрахани невероятно много – более 10 000 кибиток. А значит, они все не смогут работать по найму, не найти такого количества рабочих мест [14, ф. 36, д. 154, л. 33 об.].

Вообще, переписка наместника и губернатора демонстрирует при общем понимании проблемы резкое противоречие в подходах к ее решению. Видимо, именно это противоречие стало одним из факторов, которые помешали Татищеву довести свои инициативы до какого-то успешного уровня.

К примеру, в одном из писем Дондук-Даши высказал недовольство тем определением, которое Татищев выписал для регламентации рыбной ловли со стороны калмыков. Так, им предписывалось действовать лишь «малыми и сомовыми удочками, сетями и неводами до 40 – по крайней мере до 60 сажень», запрещалось ловить ценную рыбу осетровых пород, а также другие различные неудобства. Раздосадованный Дондук-Даши от всей души написал гневное: «Когда по Волге земля, вода, трава и лед, все к русским принадлежит, то поданным ея императорского величества нашим калмыкам чрез какой способ исправится я не знаю» [14, ф. 36, д. 154, л. 33 об.].

В то же время ограничения, накладываемые Татищевым, были следствием мощного давления на него со стороны местного купеческого и рыболовного лобби, которые использовали все средства, чтобы ограничить деятельность на Волге конкурентов-инородцев.

Тем не менее внимательный Татищев пытался поправить некоторые другие несправедливости в отношении калмыцкого народа. Так, изучая налоговую структуру региона, он заметил, что кабацкие и таможенные сборы для калмыков сильно завышены. Это связано было с тем, что при Аюке-хане калмыки обладали некоторым достатком, который получали из постоянных военных столкновений и набегов, и могли позволить себе платить настолько большие поборы. Калмыки в то время кочевали вместе с присоединившимися к ним татарами по «Волге до Самары, и по всем городам – Самаре, Сызрани, Саратову, Дмитриевке – и в лежащих между ними селах имели великие торги». Однако с тех времен прошли уже десятилетия, и калмыки оскудели, потеряв возможности платить такие большие сборы. Эти самые сборы потеряли всякий налоговый смысл – из-за их дороговизны они просто не собирались, так как калмыки отказывались торговать и посещать города [14, ф. 36, д. 133, л. 68].

Однако даже уменьшив размеры старых сборов, поправить ситуацию Татищеву не удалось – имперская администрация вводила все новые и новые налоги, пошлины и сбор. Уже 2 мая 1744 г. Дондук-Даши вновь эмоционально обращается к Татищеву: «Многие люди мне объявляют, что с калмык наших как с ездящих на своих лодках, так с тулугов, с овчин, с мерлушек и с рыбы имание денег и пошлин пред прежним наипаче умножилось, а понеже на пред сего таково обыкновения не бывало, тако ж и ныне в том вновь указа не имеется». Далее по тексту наместник просил остановить эту порочную практику, еще больше загоняющую калмыцкий народ в бедственное положение [14, ф. 36, д. 180, л. 3].

Надо сказать, что повышение налогов имело место быть по всей Российской империи, провоцируя различного рода недовольства среди местного населения. В конечном итоге об-

шее ухудшение социально-экономического положения при достаточной централизации управления приведет к социальному взрыву. В отношении калмыцкого народа этот взрыв вылился в исход части калмыков из России при Убуши-хане.

В конечном счете ограниченный в возможностях и учитывающий больше интересы русского населения Волги Татищев не смог решить эту проблему к удовлетворению калмыцкого наместника, который уже после отставки Татищева (есть версия, что причиной отставки стала долгая череда жалоб в Петербург от калмыцкого наместника и его владетелей) написал новому руководителю калмыцких дел от 1 ноября 1745 г.: «Известно мне, что с имеющихся при Волге владения моего скудных калмык с каждой лодки берут половных денег по три рубли, о чем я и в прошлом году писал. Однако по худым Татищева замыслам оное и поныне брать не запрещено» [14, ф. 36, д. 193, л. 20].

Таким образом, можно заметить, что к 1745 г. калмыцкий наместник Дондук-Даши совершенно разочаровался в Татищеве и даже обвинял его в «худых» замыслах. Причиной такого разрыва стало, видимо, своеобразное «перетягивание каната», когда калмыцкий наместник отстаивал позиции местной феодальной верхушки, в то время как губернатор радел за русских поселенцев на Волге, стремясь укрепить имперский контроль над этим краем.

Был еще один аспект, который, по мнению Татищева, оказывал существенно влияние на благополучие калмыков – религия. Ламаизм, тибетская версия буддизма, которая традиционно исповедовалась и исповедуется у калмыков, вызывала у астраханского губернатора некоторые вопросы. Связаны они, разумеется, были и с задачей распространения христианства в регионе, помощи православным миссионерам.

Так, разговаривая с калмыцким владельцем Бордоном, Татищев напрямую указал, что калмыки тратят огромное количество денег на содержание гелюнгов, в ответ на что получил возражение, что некогда калмыки платили и больше, включая богатые дары и подношения хурулам (храмам). Однако с учетом общего социально-экономического кризиса в калмыцких степях подобные траты стали невозможными, более того – теперь они разоряли народ. Татищев метко отметил, что во времена Аюки-хана калмыков было гораздо больше – около «семьдесят тысяч кибиток калмык, да более тридцети тысяч татар», сейчас их едва ли больше тридцати тысяч кибиток, обедневших и обескотинившихся [14, ф. 36, д. 177, л. 328, 329].

Более плотно, чем сам Татищев, с калмыцким народом работал его посланник и поверенный в степных делах Ф. Черкасов, который рапортовал о своих беседах с ламой Эби-гелюнгом и зайсангом Шонхолдоком, которые очень честно и просто объяснили ему свою позицию по вопросу обеднения калмыков. В частности, Эби-генлюнг объяснил, почему калмыки массово продают своих «ясырей» (пленников-батраков, захваченных в ходе набегов): из-за отсутствия скота нет нужды и в работниках, которые бы приглядывали за ним и изготовляли бы что-то из продуктов скотоводства. Зайсанг Шонхолдок пояснил, что обнищали калмыки в первую очередь потому, что владетели и зайсанги обложили их непомерными налогами и повинностями, которые те исполнить не в силах, а обращаться по этому вопросу к Дондук-Даши смысла не имеет, так как того не заботят мирские вопросы – все свое внимание он уделяет религии [14, ф. 36, д. 180, л. 209, 215, 213, 218].

В заключение мы можем сделать вывод, что В. Н. Татищев уделял внимание калмыцким делам и, в частности, инициировал ряд предложений по улучшению бедственного положения калмыков, которое приводило к тому, что продавался последний скот. Руководствовался он при этом логикой имперской администрации, считая, что без коней калмыки бесполезны для Отечества. В то же время в настоящей статье показано, что эта логика привела к тому, что предприятия Татищева на этом поприще не возымели успеха: калмыков он рассматривал как потенциально полезный, но все же инородный этнический элемент. Непростой регион требовал от губернатора маневрирования между различными и противоречивыми группами интересов, отчего многие препятствия, которые чинились калмыцкому рыбному промыслу, не были устранены. В то же время к другим причинам неудачи можно отнести сопротивление со стороны калмыцких владетелей и зайсангов, крепостнический гнет которых во многом и способствовал обеднению народа.

Список литературы

1. Азбелев С. Н. В защиту труда Василия Никитича Татищева // Сборник Русского исторического общества / Институт российской истории РАН. М. : Русская панорама, 2011. С. 316–324.
2. Батмаев М. М. Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева : мат-лы Международной научной конференции. Астрахань, 2004.

3. Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болдина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794.
4. Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789.
5. Гордин Я. А. Хроника одной судьбы: художественно-документальная повесть о В. Н. Татищеве. М.: Советская Россия, 1980. 208 с.
6. Дейч Г. М. В. В. Татищев: историк и гос. деятель. 1686–1750. Свердловск: Кн. изд-во, 1962. 76 с.
7. Интервью с губернатором Астраханской области А. П. Гужвином // Волга. Астрахань, 21 декабря 2001.
8. Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев: географы первой половины XVIII в. М.: Географгиз, 1949. 96 с.
9. Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева: мат-лы Международной научной конференции. Астрахань, 2004.
10. Качин Н. А. В. Н. Татищев – прообраз первого российского историка // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2018. № 1 (27). С. 98–102.
11. Колодкин Л. М. Василий Никитич Татищев – астраханский губернатор и региональный политик // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 1. С. 253–255.
12. Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987. 368 с.
13. Кусов В. С. О картографическом наследии В. Н. Татищева // Геодезия и картография. 1988. № 9. С. 38–41.
14. НАРК (Национальный архив Республики Калмыкия).
15. Носкова О. Л. В. Н. Татищев – государственный деятель, военный, ученый (к 325-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 5. С. 287–291.
16. Пальмов Н. Н. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева // Изв. РАН. 1925. № 6/8.
17. Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861.
18. РГАДА (Российский государственный архив древних актов).
19. Саракаев М. О. Социально-экономические воззрения В. Н. Татищева. М.: МИИ, 1997. 82 с.
20. Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский Дом, 2009. 341 с.
21. Сосенков Ф. С. Национальная политика и территориальная целостность государства во взглядах В. Н. Татищева // Власть. 2014. № 9. С. 183–186.
22. Сусеева Д. А. В. Н. Татищев как глава калмыцкой комиссии // Восточный архив. 2018. № 1. С. 4–7.
23. Торопицын И. В. Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в 1740-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 30–40.
24. Торопицын И. В. Противодействие тайного советника и губернатора В. Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. Т. 3. № 1. С. 52–56.
25. Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю в оправдание на некоторые сокрытия и явные охуления, учиненные его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. М., 1789.
26. Щербатов М. М. Примечание на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо Щербатова. М., 1792.

Some enterprises of the Astrakhan governor V. N. Tatishchev to improve the socio-economic situation of the Kalmyk steppe

M. M. Batmayev¹, P. M. Koltsov², S. M. Murgaev³, S. A. Umgaev⁴

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Kalmyk State University n. a. B. B. Gorodovikov. Russia, Elista. E-mail: history@kalmsu.ru

²Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of General History, Kalmyk State University n. a. B. B. Gorodovikov. Russia, Elista. E-mail: petr.koltsov52@mail.ru

³PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of General History, Kalmyk State University n. a. B. B. Gorodovikov. Russia, Elista. E-mail: murgaev_sm@mail.ru

⁴senior lecturer of the Department of General History, Kalmyk State University n. a. B. B. Gorodovikov. Russia, Elista. ORCID: 0000-0003-0778-1607. E-mail: sam_umg@yahoo.com

Abstract. The presented article is devoted to certain socio-economic aspects of V. N. Tatishchev's activity as Astrakhan governor (from 1741 to 1745) in relation to the Kalmyk steppes, which at that time were under his jurisdiction. At the same time, the Kalmyks had their own feudal-serf political structure headed by the governor (the Kalmyks themselves called him khan), which was gradually being crushed by the central imperial apparatus.

Due to a complex of internal and external political, economic and administrative reasons, the Kalmyks began to experience a number of significant socio-economic problems, which generally led to the impoverishment of the population. In general, this trend was all-Russian in nature, but it hit the Kalmyk Khanate especially hard, in fact, becoming a catalyst for the processes of liquidation of autonomy.

V. N. Tatishchev, as a practical administrator, saw a big problem in the mass impoverishment of the Kalmyk people, as a result of which more and more ordinary Kalmyks were left without livestock, in particular, without horses. And without a horse, Tatishchev decided, Kalmyk is useless for the Fatherland, since it is impossible to use it in military enterprises.

In this regard, the active Astrakhan governor tried to implement a number of ideas to improve the socio-economic situation, but met the resistance of the Kalmyk governor and feudal lords, which he could not overcome.

The article is based on archival materials and historiography, the historical-genetic method is used. In particular, an attempt is made to comprehensively consider the personality of Tatishchev, to understand his integral image both as a scientist and as an administrator.

Keywords: V. N. Tatishchev, Kalmyk steppe, Donduk-Dashi, Russian Empire, socio-economic policy.

References

1. Azbelev S. N. *V zashchitu truda Vasiliya Nikiticha Tatishcheva* [In defense of the labor of Vasily Nikitich Tatishchev] // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* – Collection of the Russian Historical Society / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. M. Russkaya panorama (Russian panorama). 2011. Pp. 316–324.
2. Batmaev M. M. *Istoricheskie sud'by Rossii v nauchnom nasledii V. N. Tatishcheva : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Historical destinies of Russia in the scientific heritage of V. N. Tatishchev : materials of the International Scientific Conference]. Astrakhan. 2004.
3. Boltin I. N. *Kriticheskie primechaniya general-majora Boldina na vtoroj tom Istorii knyazya Shcherbatova* [Critical notes of Major-General Boldin on the second volume of the History of Prince Shcherbatov]. SPb. 1794.
4. Boltin I. N. *Otvet general-majora Boltina na pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossijskoj istorii* [Major-General Boltin's response to a letter from Prince Shcherbatov, the writer of Russian History]. SPb. 1789.
5. Gordin Ya. A. *Hronika odnoj sud'by: hudozhestvenno-dokumental'naya povest' o V. N. Tatishcheve* [Chronicle of one destinies: an artistic and documentary tale about V. N. Tatishchev]. M. Soviet Russia. 1980. 208 p.
6. Dejch G. M. *V. B. Tatishchev: istorik i gos. deyatel'. 1686–1750* [V. B. Tatishchev: historian and statesman. 1686–1750]. Sverdlovsk. Publishing House. 1962. 76 p.
7. *Interv'yu s gubernatorom Astrahanskoy oblasti A. P. Guzhvinom* – Interview with the governor of the Astrakhan region A. P. Guzhvin // *Volga* – Volga. Astrakhan. December 21, 2001.
8. Iofa L. E. *Sovremenniki Lomonosov I. K. Kirilov i V. N. Tatishchev: geografy pervoj poloviny XVIII v.* [Contemporaries of Lomonosov I. K. Kirilov and V. N. Tatishchev: geographers of the first half of the XVIII century]. M. Geografiz. 1949. 96 p.
9. *Istoricheskie sud'by Rossii v nauchnom nasledii V. N. Tatishcheva : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* – Historical destinies of Russia in the scientific heritage of V. N. Tatishchev : materials of the International Scientific Conference. Astrakhan. 2004.
10. Kachin N. A. *V. N. Tatishchev – proobraz pervogo rossijskogo istorika* [V. N. Tatishchev – the prototype of the first Russian historian] // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istorija* – Herald of Tomsk State University. History. 2018. No. 1 (27). Pp. 98–102.
11. Kolodkin L. M. *Vasilij Nikitich Tatishchev – astrahanskij gubernator i regional'nyj politik* [Vasily Nikitich Tatishchev – Astrakhan governor and regional politician] // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie* – News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1999. No. 1. Pp. 253–255.
12. Kuz'min A. G. *Tatishchev* [Tatishchev]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 1987. 368 p.
13. Kusov V. S. *O kartograficheskom nasledii V. N. Tatishcheva* [About V. N. Tatishchev's cartographic heritage] // *Geodeziya i kartografiya* – Geodesy and cartography. 1988. No. 9. Pp. 38–41.
14. NARK (National Archive of the Republic of Kalmykia).
15. Noskova O. L. *V. N. Tatishchev – gosudarstvennyj deyatel', voennyj, uchenyj (k 325-letiyu so dnya rozhdeniya)* [V. N. Tatishchev – statesman, military man, scientist (to the 325th anniversary of his birth)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* – News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 13. No. 5. Pp. 287–291.
16. Pal'mov N. N. *K astrahanskomu periodu zhizni V. N. Tatishcheva* [To the Astrakhan period of V. N. Tatishchev's life] // *Izv. RAN* – News of RAS. 1925. No. 6/8.
17. Popov N. V. *V. N. Tatishchev i ego vremya* [V. N. Tatishchev and his time]. M. 1861.
18. RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts).
19. Sarakaev M. O. *Social'no-ekonomicheskie vozzreniya V. N. Tatishcheva* [Socio-economic views of V. N. Tatishchev]. M. MII. 1997. 82 p.
20. Sverdlov M. B. *Vasilij Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor "Istorii Rossijskoj"* [Vasily Nikitich Tatishchev – author and editor of "Russian History"]. SPb. Evropeyskiy dom (European house). 2009. 341 p.

21. Sosenkov F. S. *Nacional'naya politika i territorial'naya celostnost' gosudarstva vo vzglyadah V. N. Tatishcheva* [National policy and territorial integrity of the state in the views of V. N. Tatishchev] // *Vlast' – Power*. 2014. No. 9. Pp. 183–186.

22. Suseeva D. A. *V. N. Tatishchev kak glava kalmyckoj komissii* [V. N. Tatishchev as the head of the Kalmyk commission] // *Vostochnyj arhiv – East archive*. 2018. No. 1. Pp. 4–7.

23. Toropicyn I. V. *Vliyanie vneshnepoliticheskikh faktorov na sud'bu namestnika Kalmyckogo hanstva Donduka Dashi v 1740-h gg.* [The influence of foreign policy factors on the fate of the governor of the Kalmyk Khanate Donduk Dashi in the 1740s.] // *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura – Caspian region: politics, economy, culture*. 2012. No. 3. Pp. 30–40.

24. Toropicyn I. V. *Protivodejstvie tajnogo sovetnika i gubernatora V. N. Tatishcheva planam hanshi Dzhanrazygrat' persidskuyu kartu v russko-kalmyckih otnosheniyah v seredine XVIII veka* [Opposition of Privy Councilor and Governor V. N. Tatishchev to the plans of Hansha Jan to play the Persian card in Russian-Kalmyk relations in the middle of the XVIII century] // *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN – Herald of Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2010. Vol. 3. No. 1. Pp. 52–56.

25. Shcherbatov M. M. *Pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossijskoj istorii, k odnomu ego priyatelju v opravdanie na nekotorye sokrytiya i yavnye ohuleniya, uchinennye ego Istorii ot gospodina general-majora Boltina, tvorca primechanij na Istoriiyu drevniya i nyneshniya Rossii g. Leklerka* [A letter from Prince Shcherbatov, the writer of Russian history, to one of his friends in justification of some concealments and obvious blasphemies committed by his Story from Mr. Major General Boltin, the creator of notes on the History of ancient and present Russia G. Leclerc]. M. 1789.

26. Shcherbatov M. M. *Primechanie na otvet gospodina general-majora Boltina na pis'mo Shcherbatova* [A note on the answer of Mr. Major-General Boltin's letter to Shcherbatov]. M. 1792.